

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и тайная комната

Посвящается Шону П.Ф. Харрису, который всегда примчится и спасет от любой беды

Глава первая

Чудовищный день рождения

Уже не впервые за завтраком в доме номер четыре по Бирючинной улице разгорелась ссора. Мистер Вернон Дурслей был разбужен до зари громким уханьем, доносившимся из комнаты племянника Гарри.

– Третий раз на неделе! – прорычал мистер Дурслей. – Не можешь унять сову, значит, скажешь ей до свидания!

Гарри, тоже не впервые, попробовал объяснить:

– Ей **скучно!** Она привыкла летать где захочет. Если б вы разрешили хотя бы выпускать ее по ночам...

– Я что, похож на идиота? – фыркнул дядя Вернон, дернув кустистыми усами и прилипшим к ним ошметком яичницы. – Не знаю, по-твоему, чем все кончится, если ты выпустишь это чучело?

Он и его жена Петуния мрачно переглянулись.

Гарри было заспорил, но его доводы заглушила громкая отрывка сына Дурслеев, Дудли.

– Хочу еще бекона.

– Возьми со сковородочки, лапушка, – сказала тетя Петуния, обласкав своего грузного сына затуманенным от нежности взором. – Нужно как следует поправиться, пока есть возможность... Судя по твоим рассказам, еда у вас в школе не слишком...

– Чепуха, Петуния! Я вот в «Смылтингсе» голодным не ходил, – с жаром возразил дядя Вернон. – Дудли кушает вволю, правда, сынок?

Дудли, такой большой, что его зад свешивался со стула, хмыкнул и повернулся к Гарри:

– Передай сковородку.

– Ты забыл волшебное слово, – раздраженно сказал Гарри.

Эта простая фраза подействовала на остальных фантастически: Дудли поперхнулся и грохнулся на пол, от чего содрогнулась вся кухня; миссис Дурслей тоненько взвизгнула и зажала рот руками; мистер Дурслей подскочил, и на висках у него отчетливо выступили вены.

– Я имел в виду «пожалуйста»! – быстро пояснил Гарри. – Я не в смысле...

– РАЗВЕ ТЕБЕ НЕ ГОВОРИЛИ? НЕ ТВЕРДИЛИ СТО РАЗ? – зарокотал дядя, брызгая слюной. – ЧТОБЫ НИКАКОГО ЭТОГО... НА БУКВУ «В» У НАС В ДОМЕ!

– Но я...

– КАК ТЫ СМЕЕШЬ ПУГАТЬ ДУДЛИ! – орал дядя Вернон, стуча кулаком по столу.

– Я просто...

– Я ПРЕДУПРЕЖДАЛ! В МОЕМ ДОМЕ – НИ СЛОВА О ТВОЕЙ НЕНОРМАЛЬНОСТИ!

Гарри перевел взгляд с дядиной багровой физиономии на бледное лицо тети, тщетно пытавшейся поднять Дудли на ноги.

– Ладно, – сказал Гарри, – ладно, всё...

Дядя Вернон сел, пыхтя как загнанный носорог и злобно косясь на Гарри.

С самого начала летних каникул дядя Вернон вел себя так, словно Гарри – бомба, того и гляди, взорвется, а все потому, что тот и правда **не был** обычным ребенком. Необычай, по сути, не сыщешь.

Гарри Поттер был колдун и только что окончил первый класс «Хогварца»,

школы колдовства и ведьминских искусств. Перспектива провести с ним лето под одной крышей ужасала Дурслеев, но их чувства меркли по сравнению с тем, что испытывал сам Гарри.

Тоска по школе мучила его, как боль в животе. Он скучал по замку с его привидениями и потайными ходами, скучал по занятиям (разве что не по Злею, учителю зельеделия), по утренней совиной почте, по пирам в Большом зале, по своей кровати под балдахин, по дружеским чаепитиям с лесником Огридом в его хижине на окраине Запретного леса и особенно по квидишу, самой популярной спортивной игре колдовского мира (шесть высоких шестов с кольцами, четыре летающих мяча, четырнадцать игроков на метлах).

Все книги заклинаний, волшебная палочка, мантии, котел и суперсовременная метла «Нимбус-2000» были заперты дядей Верноном в чулане под лестницей, едва Гарри перешагнул порог дома. Какое дело Дурслеям до того, что Гарри выгонят из команды, если он не будет тренироваться и за лето потеряет форму? Какое им дело, что он явится в школу, не выполнив ни одного домашнего задания? Дурслеи, будучи, как выражались колдуны, муглами (ни капли волшебства в крови), считали, что колдун в семье – несмываемый стыд и позор. Даже Хедвигу, сову Гарри, дядя Вернон запер в клетке на висячий замок – не ровен час, племянник отправит весточку своей братии.

Внешне Гарри несколько не походил на родственников. Дядя Вернон – здоровяк с бычьей шеей и черными усищами; тетя Петунья – костлявая, с лошадиным лицом; Дудли – светловолосый, розовый, свиноподобный. А Гарри – маленький и худенький, с блестящими зелеными глазами и непослушной угольно-черной шевелюрой. Он носил круглые очки, а на лбу у него красовался тонкий шрам – зигзаг молнии.

Из-за шрама Гарри и был столь особенным, даже среди колдунов. Только шрам и свидетельствовал о его загадочном прошлом, о событиях, после которых мальчик одиннадцать лет назад оказался на пороге дома Дурслеев.

Гарри был всего год, когда он непостижимым образом пережил злое заклятие величайшего черного мага всех времен, Лорда Вольдеморта, чье имя многие колдуны и ведьмы до сих пор не отваживались произносить вслух. Родители Гарри погибли, но сам мальчик отделался шрамом-

молнией, а Волдеморт – никто так и не понял почему – потерял колдовскую силу от одной лишь попытки убить Гарри.

Вот и вышло, что маленького колдуна воспитывали в семье сестры его погибшей матери. Гарри провел у Дурслеев десять лет. Верил, будто шрам остался ему на память об автомобильной аварии, погубившей родителей, и не понимал, как ему удастся помимо воли творить всякие загадочные вещи.

Потом, ровно год назад, Гарри получил письмо из «Хогварца», и все тайное стало явным. Гарри поступил в колдовскую школу, где он сам и его шрам были знамениты... но теперь учебный год кончился, и на лето Гарри вернулся к Дурслеям, где с ним опять обращались как с дурной собакой, которая к тому же извалялась в тухлой рыбе.

Дурслеи даже не вспомнили, что сегодня у Гарри день рождения – ему исполнялось двенадцать. Конечно, он особо и не рассчитывал; ему никогда не дарили настоящих подарков и тем более не пекли пирог, но все-таки начисто забыть...

Тут дядя Вернон важно прокашлялся и сказал:

– Сегодня, как мы знаем, особенный день.

Гарри недоверчиво поднял взгляд.

– Очень может быть, что для меня он станет днем величайшей сделки в моей карьере, – продолжал дядя Вернон.

Гарри вновь принялся за гренок. «Ну конечно, – горько подумал он, – опять про этот дурацкий ужин». Дядя вот уже две недели не говорил ни о чем больше. На ужин пригласили владельца богатой строительной компании с женой, и дядя Вернон очень рассчитывал заключить с ним крупную сделку (дядина компания производила сверла).

– Пожалуй, стоит прорепетировать еще разок, – решил дядя Вернон. – К восьми часам все занимают назначенные позиции. Петуния, ты будешь?..

– В гостиной, – с готовностью ответила та. – Я буду ждать, чтобы сразу же с милой улыбкой поприветствовать их в нашем доме.

– Отлично, отлично. Дудли, ты?

– Я буду ждать у двери и вежливо им открою. – Дудли скроил противную жеманную улыбочку: – Позвольте ваши плащи, мистер и миссис Мейсон?

– Они в него влюбятся! – в восторге закричала тетя Петуния.

– Прекрасно, Дудли, – похвалил дядя Вернон. И повернулся к Гарри: – А ты?

– Я буду у себя в комнате сидеть тихо и делать вид, что меня нет, – монотонно проговорил Гарри.

– Совершенно верно, – ядовито подтвердил дядя Вернон. – Я провожу их в гостиную, познакомлю с тобой, Петуния, и предложу напитки. В восемь пятнадцать...

– Я приглашу всех за стол, – отрапортовала тетя Петуния.

– А ты, Дудли, скажешь...

– Позвольте проводить вас в столовую, миссис Мейсон? – заученно подал реплику Дудли, предлагая свернутую жирным кренделем руку невидимой даме.

– Ах ты мой маленький джентльмен! – едва не прослезилась тетя Петуния.

– А ты? – Дядя грозно прищурился на Гарри.

– Я буду у себя в комнате сидеть тихо и делать вид, что меня нет, – скучно пробубнил Гарри.

– Вот именно. Теперь подумаем, как вставить за ужином пару непринужденных комплиментов. Петуния, есть идеи?

– Вернон говорил, вы великолепно играете в гольф, мистер Мейсон...
Расскажите же, где вы купили это потрясающее платье, миссис Мейсон...

– Чудесно... Дудли?

– Может... Нам в школе задали написать сочинение на тему «Мой герой».

Мистер Мейсон, я написал о **вас**!

И для Гарри, и для тети Петунии это оказалось чересчур. Тетя Петуния разразилась счастливыми слезами и бросилась обнимать сына, а Гарри нырнул под стол, чтобы никто не увидел, как он давится со смеху.

– А ты, парень?

Вынырнув, Гарри с большим трудом соорудил серьезную мину.

– Я буду у себя в комнате сидеть тихо и делать вид, что меня нет, – отбарабанил он.

– И еще как будешь, – с нажимом промолвил дядя Вернон. – Мейсоны ничего про тебя не знают, и так оно и останется. Петуния, после ужина ты проводишь их назад в гостиную и предложишь кофе, а я переведу разговор на сверла. Если повезет, мы подпишем контракт еще до вечерних новостей. Завтра в это же время уже будем подыскивать летний дом на Майорке.

Гарри их восторга не разделял. Что на Майорке, что на Бирючинной улице – он в этой семейке лишний.

– Так... Я поехал в город за смокингами. А **ты**, – окрысился он на Гарри, – не лезь куда не просят и не мешай тете приводить дом в порядок.

Гарри вышел через заднюю дверь. День был чудесный, солнечный. Мальчик прошелся по аккуратно подстриженному газону, плюхнулся на садовую скамейку и тихонько запел:

– С днем рожденья меня... с днем рожденья меня...

Ни открыток, ни подарков, да еще весь вечер делать вид, будто его нет в природе. Он горестно уставился на живую изгородь. Больше всего, больше даже, чем по квидишу, Гарри скучал по своим лучшим друзьям Рону Уизли и Гермионе Грейнджер. А вот они, видимо, не скучали по нему совершенно. За все лето он не получил от них ни строчки, хотя Рон обещал пригласить Гарри погостить.

Уже миллион раз Гарри хотел призвать на помощь колдовство, отпереть клетку и послать Хедвигу к Рону и Гермионе, но всякий раз

останавливался. Не стоило рисковать: несовершеннолетним запрещалось колдовать вне школы. Дурслеям Гарри об этом не сказал: если б не их страх превратиться в навозных жуков, его бы и самого заперли под лестницей вместе с метлой и волшебной палочкой. Первую пару недель по возвращении домой Гарри с удовольствием бормотал вполголоса всякую ерунду и смотрел, как Дудли в панике выкатывается из комнаты, топоча жирными ножищами. Но теперь... От Рона и Гермионы ни словечка, колдовской мир бесконечно далек, издевки над Дудли потеряли свою прелесть – а сегодня друзья даже не поздравили его с днем рождения.

Чего бы он только не отдал за письмо из «Хогварца»... от кого угодно. Он, наверное, не отказался бы увидеть и своего заклятого врага Драко Малфоя – лишь бы убедиться, что год в школе не был сном...

И не то чтобы весь год выдался исключительно радужным. В конце последнего семестра Гарри лицом к лицу столкнулся не с кем иным, как с самим Лордом Волдеморт. Тот, жалкое подобие себя прежнего, все же был очень страшен, и хитер, и жаждал вернуться к власти. Гарри вновь удалось выскользнуть из его цепких лап, но лишь чудом, и до сих пор, много недель спустя, мальчик просыпался по ночам в холодном поту и все думал, где Волдеморт скрывается сейчас, вспоминал его жуткое лицо, выпученные безумные глаза...

Гарри вздрогнул, напряжился. Он рассеянно глядел на живую изгородь – но вдруг понял, что и **та глядит на него!** Среди листвы сверкали два огромных глаза.

Гарри вскочил, и тут до него донесся глумливый голос.

– А я знаю, какой сегодня день, – пропел Дудли, приближаясь вразвалку по газону.

Огромные глаза мигнули и исчезли.

– Что? – переспросил Гарри, не сводя глаз с того места, где они только что были.

– Я знаю, какой сегодня день, – повторил Дудли, подойдя к нему.

– Молодец, – похвалил Гарри, – наконец-то выучил дни недели.

– Сегодня твой **день рождения**, – осклабился Дудли. – Чего же тебе не прислали открыток? У тебя что, нет друзей в этой твоей дурке... куда тебя сбагрили?

– Не боишься, что мамочка услышит, как ты мою дурку обсуждаешь? – холодно осведомился Гарри.

Дудли поддернул брюки, которые так и норовили сползти с толстой задницы.

– А чего ты на изгородь тарачишься? – подозрительно спросил он.

– Да вот думаю, каким бы заклинанием ее поджечь, – объяснил Гарри.

Дудли тут же попятился – с диким ужасом на жирной физиономии.

– Н-нельзя... Папа запретил тебе к-колдовать... он сказал, что вышвырнет тебя из д-дому... а тебе некуда идти... у тебя даже друзей нет, куда бы...

– **Колды-балды!** – яростно забормотал Гарри. – **Фокус-покус, фигли-мигли...**

– МА-А-А-А-А-АМ! – заорал Дудли и, спотыкаясь, помчался к дому. – МА-А-А-А-А-АМ! А он... сама знаешь что!

Гарри дорого заплатил за свое невинное развлечение. Ни Дудли, ни изгородь не пострадали; тетя Петуния прекрасно понимала, что никакого колдовства не было, но Гарри все же пришлось уворачиваться от мыльной сковородки, которой она хотела его огреть. А потом нагрозила работой, с ультиматумом: крошки не получишь, пока все не выполнишь.

Дудли слонялся вокруг и ел мороженое, а Гарри протирал окна, мыл машину, стриг газон, полыл клумбы, обрезал и поливал розы, подкрашивал садовую скамейку. Солнце безжалостно палило, обжигая шею. Гарри понимал: не следовало поддаваться на провокацию Дудли, но... тот умудрился ткнуть в больное место... может, у Гарри и правда нет в «Хогварце» друзей...

Жаль, никто не видит знаменитого Гарри Поттера сейчас, свирепо

думал он, раскладывая навоз по клумбам, обливаясь пóтом, изнывая от боли в спине.

В половине восьмого, когда он совершенно выдохся, тетя Петуния наконец позвала:

– Заходи в дом! И иди по газетам!

Гарри с облегчением вошел в прохладу кухни, где все сверкало чистотой. На холодильнике стоял пудинг для гостей: огромная шапка взбитых сливок и сахарные фиалки. В духовке шипел большой кусок свиного филе.

– Давай ешь по-быстрому! Мейсоны скоро придут! – гаркнула тетя Петуния и швырнула на блюдце два куска хлеба и остатки сыра. Она уже надела вечернее платье цвета лосося.

Гарри помыл руки и затолкал в рот свой жалкий ужин. Едва он дожевал, тетя выхватила у него блюдце:

– Наверх! Быстро!

Проходя мимо гостиной, Гарри мельком увидел дядю Вернона и Дудли в смокингах и бабочках. Только-только он поднялся на второй этаж, как в дверь позвонили, а у подножия лестницы возникло гневное дядино лицо.

– Запомни, парень, – один раз пикнешь...

Гарри на цыпочках прокрался в свою комнату, скользнул внутрь, закрыл дверь и повернулся к кровати, намереваясь повалиться на нее без сил.

Да вот несчастье – кровать оказалась занята.

Глава вторая

Добби предостерегает

Гарри лишь чудом удержался и не вскрикнул. У крохотного создания, сидевшего на кровати, были большие уши, как у летучей мыши, и зеленые глаза навывкате размером с теннисный мяч. Гарри их тотчас узнал: они-то и глядели на него утром из садовой изгороди.

Гарри и визитер молча уставились друг на друга, а в это время снизу донесся голос Дудли:

– Позвольте ваши плащи, мистер и миссис Мейсон?

Создание соскользнуло с кровати и отвесило поклон, такой глубокий, что кончиком длинного тонкого носа ткнулось в ковер. Гарри только сейчас заметил, что непрощеный гость одет в нечто вроде старой наволочки с неаккуратно прорванными дырками для рук и ног.

– Э-э-э... здравствуйте, – нерешительно сказал Гарри.

– Гарри Поттер! – воскликнуло существо. Его пронзительный голос наверняка долетал до первого этажа. – Столько лет Добби мечтал о знакомстве с вами... Такая великая честь...

– Спа... спасибо, – сказал Гарри. Он по стеночке пробрался к письменному столу и растерянно опустился на стул. Рядом, в клетке, непробудно спала Хедвига. Хотелось спросить: «Вы что за существо?», но Гарри подумал, что это будет невежливо, и ограничился неопределенным: – Кто вы?

– Добби, сэр. Просто Добби. Добби – домовый эльф, – ответил гость.

– Вот как? – отозвался Гарри. – Э-э-э... слушайте, может, это грубо и все такое прочее, но... сейчас такой момент... ну, в общем... не время

принимать домовых эльфов.

В гостиной заливисто и фальшиво засмеялась тетя Петунья. Эльф повесил голову.

– Я не то чтоб не рад, – быстро добавил Гарри, – но... ммм... у вас какое-то дело?

– О да, сэр, – серьезно подтвердил Добби. – Добби пришел сказать вам, сэр... это нелегко, сэр... Добби даже не знает, с чего начать...

– Да вы садитесь, – любезно предложил Гарри, указывая на кровать.

К его величайшему ужасу, эльф разразился рыданиями – и очень громко.

– **С-с-сади-и-итесь...** – завывал он, – **никогда... никогда в жизни...**

Голоса внизу на миг притихли.

– Извините, – прошептал Гарри. – Я совсем не хотел вас обидеть, и вообще...

– Обидеть Добби! – захлебнулся эльф. – Добби еще **никогда** не предлагали сесть... ни один колдун... как **равному**...

Гарри, бормоча «тш-ш-ш» и корча сочувственную мину, подвел Добби к кровати, где тот уселся, икая, похожий на большую уродливую куклу. Наконец он взял себя в руки и уставил на Гарри глаза, полные слезливого обожания.

– Вам, наверное, не часто встречались воспитанные колдуны, – сказал Гарри, надеясь его приободрить.

Добби потряс головой. Затем ни с того ни с сего вскочил и принялся колотиться головой в оконное стекло, вопя:

– **Плохой Добби! Плохой Добби!**

– Не надо... Вы что делаете? – зашипел Гарри, оттаскивая эльфа обратно к кровати. Хедвига проснулась, пронзительно скрежетнув, и забила

крыльями по прутьям клетки.

– Добби должен наказать себя, сэр, – объяснил эльф. Глаза у него слегка съехали к переносице. – Добби едва не сказал плохого о своей семье, сэр...

– О... семье?

– О колдовской семье, сэр, у которой Добби состоит в услужении... Добби – домовый эльф... он обязан служить одному дому веки вечные...

– А они знают, что вы здесь? – поинтересовался Гарри.

Добби содрогнулся:

– Ой, нет, сэр, нет... Добби придется сурово себя наказать за приход сюда, сэр. Добби вынужден будет защемить себе уши дверцей духовки. Если б они узнали, сэр...

– А они не заметят, что вы защемили уши?

– Добби в этом сомневается, сэр. Добби вечно себя наказывает за что-нибудь, сэр. Они ему не препятствуют, сэр. Иногда даже напоминают, что Добби нужно себя наказать...

– Но почему вы не уйдете? Не сбежите?

– Домового эльфа надо отпустить на свободу, сэр. А эта семья никогда не отпустит Добби... Добби так и умрет в услужении, сэр...

– Да-а-а... – протянул Гарри. – А я-то жалуюсь, что мне здесь торчать четыре жалких недели. В сравнении с вашей семейкой Дурслеи – почти люди. А помочь вам можно? Я, например, могу?

Гарри мигом пожалел о своих словах. Добби разразился благодарными стенаниями.

– Пожалуйста, – в отчаянии зашептал Гарри, – пожалуйста, тише. Если Дурслеи услышат... если узнают, что вы здесь...

– Гарри Поттер спрашивает, не может ли он помочь Добби... Добби

слышал о вашем величии, сэр, но о такой доброте Добби не подозревал...

Гарри, которому краска бросилась в лицо, сказал:

– Все, что вы слышали о моем величии, – чушь на постном масле. Я даже не первый ученик, первая Гермиона, она...

Но он тут же осекся, потому что вспоминать о Гермионе было тяжело.

– Гарри Поттер застенчив и скромн, – благоговейно произнес Добби, восторженно пылая шарообразными глазами. – Гарри Поттер умалчивает о своей победе над Тем-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут...

– Над Вольдемортом? – ляпнул Гарри.

Добби зажал ладошками свои уши-лопухи и простонал:

– Ах, не произносите имени, сэр! Не произносите имени!

– Простите, – поспешно извинился Гарри, – я знаю, многим не нравится. Вот мой друг Рон...

И снова осекся – вспоминать о Роне тоже было тяжело.

Добби наклонился поближе к Гарри, светя глазищами.

– Добби слышал, – хрипло заговорил он, – что всего несколько недель назад Гарри Поттер встретился с Черным Лордом... и **вновь** избежал гибели.

Гарри кивнул, и глаза Добби заблестали слезами.

– Ах, сэр, – выдохнул он, промокая лицо уголком своей засаленной наволочки. – Гарри Поттер доблестный и храбрый! Он смело встретил столько опасностей! Но Добби пришел, чтобы защитить Гарри Поттера, предостеречь его, даже если потом придется щемить уши дверцей духовки... **Гарри Поттеру нельзя возвращаться в «Хогварц».**

Наступила тишина, нарушаемая лишь раскатами голоса дяди Вернона и позвякиванием ножей и вилок внизу.

– Ч-что? – пролепетал Гарри. – Но мне нужно вернуться – семестр

начинается первого сентября. Да я без этого не выживу! Вы не представляете, каково мне тут. Я здесь **чужой**! Я должен быть в вашем мире – в «Хогварце».

– Нет, нет, нет, – пропищал Добби и затряс головой так, что уши захлопали по щекам. – Гарри Поттер должен оставаться в безопасности. Он слишком велик, слишком благороден, нам нельзя его потерять. Если Гарри Поттер вернется в «Хогварц», ему будет грозить смертельная опасность.

– Почему? – удивился Гарри.

– Заговор, Гарри Поттер. Заговор – в этом году в «Хогварце», школе колдовства и ведьминских искусств, произойдут ужаснейшие события, – прошептал Добби, внезапно задрожав всем телом. – Добби знает уже давно, сэр. Гарри Поттер не смеет подвергать себя риску. Он слишком важен для нас, сэр!

– Какие еще ужаснейшие события? – сразу спросил Гарри. – Чей заговор?

Добби задуманно всхлипнул и с силой заколотил головой об стену.

– **Ладно!** – Гарри схватил эльфа за руку. – Не можете сказать – не надо. Я понял. Но зачем предупреждать **меня**? – Внезапно малоприятная мысль посетила его. – Постойте-ка! Это что, касается Воль... простите!.. Сами-Знаете-Кого? Да? Кивните или покачайте головой, – торопливо добавил он, так как лоб Добби вновь оказался в опасной близости от стены.

Добби медленно покачал головой:

– Нет, не Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, сэр...

Но Добби расширил глаза и явно пытался на что-то намекнуть. Гарри тем не менее растерялся.

– У него ведь нет брата, верно?

Добби потряс головой и выпучил глаза сильнее.

– Ну тогда я и не знаю, кому еще хватит силы натворить в «Хогварце» ужаснейшего, – сказал Гарри. – Во-первых, там Думбльдор... Вы же знаете,

кто такой Думбльдор?

Добби почтительно склонил голову:

– Альбус Думбльдор – величайший директор в истории «Хогварца». Добби знает, сэр. Добби слышал, что как маг Думбльдор мог посоперничать с Тем-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут в его лучшие времена. Но, сэр... – голос Добби упал до настойчивого шепота, – есть вещи, которыми Думбльдор не посмеет... силы, к которым ни один приличный колдун...

И, не успел Гарри помешать, Добби прыгнул с кровати, схватил настольную лампу и с душераздирающими воплями принялся колошматить себя по голове.

Внизу воцарилось молчание. Спустя две секунды Гарри, у которого страшно застучало в висках, услышал, как дядя Вернон идет к лестнице, крича на ходу:

– Должно быть, наш шалунишка опять забыл выключить телевизор!

– Быстро в шкаф! – прошипел Гарри, запихивая Добби и закрывая за ним створку. Сам он едва успел броситься на кровать.

Дверная ручка повернулась.

– Ты – **что** – себе – позволяешь – паршивец! – разъяренно процедил дядя Вернон в лицо племяннику. – Ты, негодяй, испортил мне анекдот про японского гольфиста! Еще один звук – и ты пожалеешь, что на свет родился. Понял, парень?

И он по-слоновьи затопал прочь из комнаты.

Все еще дрожа, Гарри выпустил беспокойного гостя из шкафа.

– Видите, как я здесь живу? – сказал он. – Понимаете, почему мне надо в «Хогварц»? Только там у меня есть... ну, мне кажется, что есть... друзья.

– Друзья, которые даже не **пишут** Гарри Поттеру? – хитро прищурился эльф.

– Наверное, они просто... Подождите-ка, – нахмурился Гарри. – А **вы** откуда знаете, что они не пишут?

Добби переминался с ноги на ногу.

– Гарри Поттер не должен сердиться на Добби. Добби хотел как лучше...

– **Вы перехватывали мои письма?**

– Они у Добби с собой, – сказал эльф. Проворно отступив подальше, он вытащил из-за пазухи толстую пачку конвертов. Гарри разглядел аккуратный почерк Гермионы, неровные каракули Рона и даже загогулины Огрида, хранителя ключей «Хогварца».

Добби встревоженно заморгал.

– Гарри Поттер не должен сердиться... Добби надеялся... если Гарри Поттер подумает, что друзья забыли его... он, может быть, не захочет возвращаться в школу, сэр...

Гарри не слушал. Он цапнул было письма, но Добби отпрянул.

– Гарри Поттер получит их, сэр, если даст Добби слово, что не вернется в «Хогварц». Ах, сэр, вам нельзя подвергать себя опасности! Обещайте, что не вернетесь в школу, сэр!

– Нет, – сердито сказал Гарри. – Отдайте письма!

– В таком случае Гарри Поттер не оставляет Добби выбора, – печально произнес эльф.

Гарри и пошевелиться не успел – Добби бросился к двери, распахнул ее и припустил вниз по лестнице.

Во рту у Гарри пересохло, под ложечкой засосало, и он, стараясь не шуметь, бросился вдогонку. Перепрыгнул шесть последних ступенек, по-кошачьи беззвучно приземлился на ковер и заозирался в поисках Добби. Из столовой донеслись слова дяди Вернона:

– Расскажите Петунии тот анекдот про американских сантехников, мистер

Мейсон. Она до смерти хотела послушать...

Гарри промчался через коридор в кухню – и физически ощутил, как у него на месте желудка образуется черная дыра.

Пудинг, шедевр тети Петунии, восхитительная гора взбитых сливок с сахарными фиалками, парил под потолком. На шкафу в уголке сгорбился Добби.

– Нет, – простонал Гарри, – пожалуйста... они меня убьют!

– Пусть Гарри Поттер пообещает, что не вернется в школу...

– Добби... прошу вас...

– Поклянитесь, сэр!

– Не могу!

Добби глянул трагически:

– В таком случае Добби вынужден, сэр... для блага Гарри Поттера.

Пудинг шлепнулся на пол – от грохота у Гарри едва не остановилось сердце. Блюдо разбилось, сливки разлетелись по окнам и стенам. С щелчком – будто хлыст стегнул – Добби исчез.

Из столовой раздались крики, в кухню ворвался дядя Вернон и увидел остоле-невшего Гарри в пудинге с ног до головы.

Сначала казалось, что дяде Вернону удастся замять неприятность («Наш племянник – очень нервный ребенок – впадает в беспокойство, когда видит чужих, – держим его наверху»). Он загнал Мейсонов обратно в столовую, как разбежавшихся кур, и, выдав Гарри швабру, пообещал содрать с него шкуру, как только уйдут гости. Тетя Петуния порылась в холодильнике и достала мороженое, а Гарри, все еще не в силах унять дрожь, принялся драить кухню.

У дяди Вернона еще был шанс заключить договор – если бы не сова.

Тетя Петунья как раз протягивала гостям коробку мятных конфет, но тут в окно, хлопая крыльями, влетела здоровенная сипуха – она бросила письмо на голову миссис Мейсон и вылетела на улицу. Миссис Мейсон издала леденящий душу вопль и побежала из дома с криками: «Дурдом! Дурдом!» Мистер Мейсон задержался, исключительно дабы довести до сведения Дурслеев, что его жена панически боится птиц всех форм и размеров, и поинтересоваться, считают ли они сами, что их идиотские шутки смешны.

Гарри стоял посреди кухни, отчаянно хватаясь за швабру, а дядя Вернон наступал на него, и его глазки блистали сатанинским огнем.

– Прочти! – злобно просипел он, размахивая письмом. – Давай, давай – читай!

Гарри взял письмо. То была отнюдь не поздравительная открытка.

Уважаемый мистер Поттер!

Мы получили донесение, что по месту вашего жительства в 21:12 сегодня вечером имело место наложение невесомой чары.

Как вам известно, несовершеннолетним колдунам запрещается использование заклинаний вне стен учебного заведения и любая дальнейшая колдовская деятельность может привести к вашему исключению из вышеупомянутого учебного заведения (Дekret о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних, 1875, параграф С).

Также напоминаем, что любая колдовская деятельность, влекущая за собой опасность обнаружения членами немагического сообщества (муглами), является серьезным нарушением согласно разделу 13 Закона о секретности Международной Конфедерации Чародейства.

Желаем приятно провести каникулы!

*Искренне Ваша, Мафальда Хопкёрк
Отдел неправомочного использования колдовства
Министерство магии*

Гарри оторвал взгляд от письма и судорожно сглотнул.

– А ты не говорил, что тебе запрещается колдовать вне школы, – пробормотал дядя Вернон, и его глаза озарились тусклым сумасшедшим светом. – Забыл, видать... выскочило из головы... – Оскалившись, он навис над мальчиком, как гигантский бульдог. – Что ж, у меня есть новости, парень... я запру тебя наверху... ты больше не пойдешь в свою школу... никогда... а попытаешься применить свои штучки и удрать – тебя исключат!

И, хохоча как маньяк, он поволок Гарри наверх.

Дядя Вернон исполнил угрозы в точности. Наутро он вызвал мастера, и тот поставил Гарри на окно решетку. Сам дядя Вернон установил в дверь откидную кошачью дверцу, чтобы три раза в день совать в комнату скудную еду. В туалет выпускали два раза, утром и вечером. Все остальное время Гарри сидел взаперти.

Через три дня порядки не смягчились, и выхода Гарри не видел. Он лежал на животе, горестно смотрел сквозь решетку на заходящее солнце и гадал, что же с ним теперь будет.

Какой смысл колдовать, чтобы освободиться, если за это его исключат из «Хогварца»? Но жить на Бирючинной улице тоже больше невозможно. Дурслеи узнали, что им не грозит проснуться однажды утром мышами или лягушками, – Гарри лишился последнего своего оружия. Может, Добби и удалось спасти его от ужаснейших событий в «Хогварце», но, если дела пойдут так и дальше, он все равно помрет с голоду.

Хлопнула дверца – рука тети Петунии протолкнула внутрь миску супа из консервов. Гарри, у которого давно подводило живот, соскочил с кровати и схватил миску. Суп был холодный как лед, но Гарри все равно выпил залпом половину. Потом вывалил Хедвиге в кормушку овощи, похожие на мокрые тряпки. Сова нахохлилась и посмотрела на хозяина с глубочайшим отвращением.

– Нечего клюв воротить – ешь что дают, – сурово сказал Гарри.

Он поставил пустую миску на пол рядом с дверцей и снова лег на кровать. Почему-то теперь он был голоднее, чем до супа.

Предположим, через месяц он еще будет жив. Но если он не приедет в «Хогварц»? Пришлют кого-нибудь узнать, что с ним случилось? Смогут заставить Дурслеев его отпустить?

Комната погружалась в темноту. Истерзанный бесплодными размышлениями, вопросами без ответов и голодным бурчанием в животе, Гарри провалился в беспокойный сон.

Ему приснилось, что он сидит в зоопарке, в клетке с табличкой «НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ КОЛДУН». Люди глазеют на него сквозь решетку, а он, изголодавшийся и ослабевший, лежит на соломе. В толпе он различает лицо Добби и зовет его, просит о помощи, но Добби кричит: «Гарри Поттер здесь в безопасности, сэр!» – и исчезает. Появляются Дурслеи. Дудли трясет прутья и потешается над Гарри.

– Прекрати, – бормотал Гарри, пытаясь избавиться от навязчивого грохота, – оставь меня в покое... уйди... я спать хочу...

Он открыл глаза. В зарешеченное окно светила луна. И кто-то **действительно** глядел на него из-за прутьев – кто-то веснушчатый, рыжий, длинноносый.

Рон Уизли.

Глава третья

«Гнездо»

– Рон! – только и сумел выдохнуть Гарри, подкравшись к окну и подняв раму, чтобы можно было говорить через решетку. – Рон, как ты... откуда ты...

Тут челюсть у него так и отвисла: мозг наконец вобрал в себя всю невероятность происходящего. Рон высовывался из заднего окна старого бирюзового автомобиля, припаркованного **в воздухе**. С передних сидений приветственно ухмылялись близнецы Фред и Джордж, старшие братья Рона.

– Как жизнь, Гарри? – спросил Джордж.

– Что с тобой случилось? – затараторил Рон. – Ты почему не отвечал на письма? Я тебя раз двенадцать приглашал в гости! А потом папа сказал, что тебе послали официальное предупреждение за колдовство на глазах у муглов...

– Это не я... А он откуда узнал?

– Он работает в министерстве, – объяснил Рон. – И ты же знаешь, нам нельзя колдовать вне...

– Кто бы говорил, – проворчал Гарри, выразительно оглядев парящую в воздухе машину.

– Это не считается, – ответил Рон. – Машину мы одолжили. Она папина, не **мы** ее заколдовывали. А вот на глазах у изумленных муглов...

– Да говорю тебе, это не я... долго объяснять... Слушай, скажите в «Хогварце», что Дурслеи меня заперли и не пускают в школу, а

выколдовать отсюда я конечно же не могу: в министерстве решат, что это второе заклинание за три дня, и тогда...

– Не стони, – перебил Рон. – Мы приехали за тобой.

– Но вам же тоже нельзя колдовать...

– А нам и не надо, – хмыкнул Рон, кивнув на спутников. – Не видишь, что ли, кого я с собой прихватил?

– Обвяжи-ка вокруг прутьев, – велел Фред, бросая Гарри веревку.

– Если проснутся Дурслеи, я покойник, – сказал Гарри, крепко обмотав решетку.

Фред завел двигатель.

– Не дрейфь, – сказал Фред, – и отойди в сторонку.

Гарри попятился от окна к Хедвиге – та, видимо, сообразила, что дело нешуточное, и притихла. Двигатель взрывал все громче, и наконец решетка с грохотом сорвалась, и автомобиль взмыл в небо. Гарри подбежал к окну – решетка болталась на веревке в нескольких футах от земли. Рон, кряхтя от натуги, тащил ее в машину. Гарри напряженно вслушивался, но из спальни Дурслеев не доносилось ни звука.

Когда решетка наконец была надежно водворена на заднее сиденье к Рону, Фред задним ходом подал автомобиль ближе к окну.

– Забирайся, – сказал Рон.

– Но... мои школьные вещи... палочка... метла...

– Где?

– Заперты в чулане под лестницей, а я не могу выйти из комнаты...

– Не вопрос, – беззаботно бросил Джордж с пассажирского сиденья. – Ну-ка, Гарри, с дороги.

Фред с Джорджем легко, по-кошачьи, перебрались через окно в комнату. С

ними и впрямь не пропадешь, подумал Гарри. Джордж достал из кармана шпильку и начал осторожно поворачивать ее в замке.

– Многие колдуны считают, что на мугловые фокусы незачем тратить время, – сказал Фред, – а нам вот кажется, что кое-чему очень даже стоит поучиться, пусть оно и помедленней колдовства.

Раздался тихий щелчок, и дверь распахнулась.

– Ну что, мы притащим сундук, а ты собери здесь все, что нужно, и передай Рону, – шепотом велел Джордж.

– Осторожно на нижней ступеньке – она скрипит, – прошептал Гарри вслед близнецам.

И заметался по комнате, хватая вещи и передавая их в окно Рону. Потом с Фредом и Джорджем заволок сундук вверх по лестнице. Дядя Вернон в спальне кашлянул.

Запыхавшись, они забрались на второй этаж и отнесли сундук к открытому окну. Фред перелез в машину, чтобы помочь Рону тащить, а Гарри с Джорджем толкали из комнаты.

Дядя Вернон снова кашлянул.

– Еще чуть-чуть, – просипел Фред из машины, – еще разок толкните...

Гарри и Джордж навалились плечами, и сундук проскользнул по подоконнику на заднее сиденье.

– Ну все, отчаливаем, – шепнул Джордж.

Но стоило Гарри влезть на подоконник, за спиной раздался возмущенный совиный крик, а затем – не менее возмущенный рык дяди Вернона:

– ВОТ ЧЕРТОВА СОБА!

– Я забыл Хедвигу!

Гарри рванулся через всю комнату, и тут щелкнул выключатель у лестницы.

Мальчик схватил клетку, пулей пронесся к окну и сунул сову Рону. Потом снова влез на комод, а дядя Вернон забарабанил в незапертую дверь – и дверь с треском распахнулась.

На долю секунды силуэт дяди Вернона застыл в проеме; затем дядя утробно взревел на манер разъяренного быка, ринулся на Гарри и успел ухватить его за лодыжку.

Рон, Фред и Джордж в свою очередь схватили Гарри за руки и потянули изо всех сил.

– Петуния! – вопил дядя Вернон. – Он уходит! УХОДИТ!

Уизли дружно поднажали, и нога Гарри выскользнула из железной лапищи дяди Вернона – Гарри оказался в машине, захлопнул дверцу...

– Фред, газу! – заорал Рон, и машина стрелой взметнулась к луне.

Гарри не верил своему счастью – он свободен! Он высунулся из окна – ночной ветер растрепал волосы – и смотрел, как быстро уменьшаются крыши домов на Бирючинной улице. Остолбеневшие дядя Вернон, тетя Петуния и Дудли свешивались из окна его комнаты.

– Увидимся следующим летом! – про-кричал Гарри.

Мальчишки покатались со смеху, и Гарри уселся поудобнее, улыбаясь от уха до уха.

– Выпусти Хедвигу, – попросил он Рона. – Пусть летит за нами. Она уже тысячу лет крылья не разминала.

Джордж протянул Рону шпильку, и спустя мгновение Хедвига радостно вырвалась из окна и бесшумным привидением заскользила рядом с машиной.

– Ну, так что за дела? – нетерпеливо спросил Рон. – Что с тобой приключилось?

Гарри все рассказал: и про Добби, и про предостережение, и про беду с фиалковым пудингом. Когда он закончил, наступило долгое, потрясенное

молчание.

– Дело ясное, что дело темное, – в конце концов вынес приговор Фред.

– Темней некуда, – согласился Джордж. – И он даже не сказал, о чем заговор и кто заговорщики?

– Мне кажется, он не мог, – ответил Гарри. – Я же говорю, он бился головой об стенку, как только хотел проговориться.

Фред с Джорджем переглянулись.

– Что? Думаете, он наврал?

– Ну-у-у, – протянул Фред, – скажем так: у домовых эльфов у самих с магией все тип-топ, но обычно они не могут ею пользоваться без разрешения хозяина. Я так думаю, старину Добби подослали, чтоб ты не возвращался в «Хогварц». Кто-то, так сказать, пошутил. Есть у кого-нибудь на тебя зуб?

– Да, – сразу же хором ответили Рон и Гарри.

– Драко Малфой, – пояснил Гарри. – Он меня ненавидит.

– Драко Малфой? – переспросил Джордж, оборачиваясь. – Часом, не сын Люциуса Малфоя?

– Наверное. Фамилия не слишком распространенная, – сказал Гарри. – А что?

– Да я слышал, как папа про него говорил, – объяснил Джордж. – Малфой в свое время поддерживал Сам-Знаешь-Кого.

– А когда Сам-Знаешь-Кто исчез, – добавил Фред, обернувшись к Гарри, – Люциус Малфой вернулся и заявил, что ни в чем не замешан и не виноват. Но это все враки – папа говорит, он принадлежал к ближайшему Сам-Знаешь-Чьему окружению.

Гарри и прежде слышал подобное о семье Малфоев – и не удивлялся. По сравнению с Малфоем Дудли казался умным, добросердечным и

чувствительным мальчиком.

– Не знаю, есть ли у Малфоев домовый эльф... – задумчиво протянул Гарри.

– Чей бы он ни был, это старинный колдовской род, к тому же богатый, – сказал Фред.

– Ага. Мама тут обмолвилась, что не отказалась бы от домового эльфа – гладить белье, – добавил Джордж. – А у нас только паршивый старикашка упырь на чердаке да гномы в саду. Домовые эльфы живут в особняках, замках, во всяких, знаешь, таких местах; у нас их не встретишь...

Гарри промолчал. У Драко Малфоя всегда было все самое лучшее – надо полагать, его семья купается в колдовском золоте; легко представить, как Малфой разгуливает по роскошному особняку. Да и такая «шуточка» – послать слугу, чтобы помешал Гарри вернуться в «Хогварц», – вполне в духе Малфоя. Может, Гарри свалил дурака, приняв Добби всерьез?

– Короче, я рад, что мы приехали, – сказал Рон. – Я уже взаправду забеспокоился, чего ты на письма не отвечаешь. Сначала думал, Эррол виноват...

– Кто это – Эррол?

– Наш филин. Ужасно древний. Уже не раз падал, когда нес почту. Я хотел одолжить Гермеса...

– **Кого?**

– Это сова Перси – родители подарили, когда он стал старостой, – объяснил Фред.

– Но Перси не дал, – продолжал Рон, – сказал, что Гермес ему самому нужен.

– Перси вообще все лето чудит, – нахмурился Джордж. – Строчит письма, запирается у себя постоянно... Хотя, казалось бы, сколько можно полировать значок старосты?.. Ты забрал слишком далеко на запад, Фред, – прибавил он, ткнув в компас на приборной панели.

Фред крутанул руль.

– А ваш отец знает, что вы взяли машину? – поинтересовался Гарри, догадываясь, впрочем, каков будет ответ.

– Ммм... нет. У него работа сегодня вечером. Если повезет, вернем машину в гараж и мама даже не заметит, что мы ее брали.

– А что он делает в министерстве?

– Работает в самом скучном отделе, – сказал Рон. – Отдел неправомочного использования мугл-артефактов.

– **Чего?**

– Ну, он занимается заколдованными предметами, которые сделаны муглами. Вдруг они снова попадут в мугловый магазин или к кому-то в дом. Вот в прошлом году умерла одна старая ведьма и ее чайный сервиз продали в антикварный магазин. Его купила муглянка, принесла домой, пригласила друзей чаю попить. Это был кошмар – папа потом неделями приходил домой за полночь.

– А что случилось?

– Чайник взбесился и давай кипятком брызгать во все стороны, а один дядька попал в больницу – щипцы для сахара укусили его за нос. Папа совершенно выдохся – у них в отделе только он да старик Перкинс, и пришлось им налагать заклятия забвения и всякое такое, чтобы замять эту историю...

– Но как же... ваш отец... и эта машина... Фред засмеялся:

– Ой, он обожает мугловые штуки, у нас их в сарае полно. Он их разбирает, заколдовывает и собирает обратно. Если б он устроил обыск у нас дома, ему пришлось бы себя арестовать. Мама из-за этого бесится.

– Мы уже на главной дороге, – перебил Джордж. – Через десять минут будем на месте. Ну и хорошо, а то светает...

Горизонт на востоке слабо засветился розовым.

Фред немного сбавил высоту, и внизу Гарри увидел темное стеганое одеяло возделанных полей и рощиц.

– Скоро деревня, – сказал Джордж. – Колготтери Сент-Инспекторт.

Машина спускалась все ниже. За деревьями уже показался краешек рубинового солнечного диска.

– Приземлились! – воскликнул Фред, когда с легким «бум!» колеса коснулись земли. Машина села у полуразрушенного гаража во дворике, и через окно Гарри в первый раз увидел дом Рона.

Дом походил на большой каменный хлев, к которому там и сям хаотично пристраивали все новые и новые помещения, пока хлев не подрос на несколько этажей и не перекосялся; казалось, не разваливается он лишь по волшебству (впрочем, напомнил себе Гарри, так оно, вероятно, и было). На красной крыше торчало штук пять труб. У двери в землю был воткнут шест с криво прибитой дощечкой, где значилось: «Гнездо». У порога валялось великое множество резиновых сапог и сильно проржавевший котел. По двору, что-то поклевывая, бродили пухлые коричневые куры.

– Ничего интересного, – бросил Рон.

– У вас **здорово!** – счастливо воскликнул Гарри, вспомнив Бирючинную улицу.

Они вышли из машины.

– Слушайте – наверх поднимаемся исключительно осторожно! – предупредил Фред. – А дальше ждите, пока мама не позовет завтракать. Тогда ты, Рон, сбежишь вниз весь такой: «Мам, смотри, кто ночью приехал!» – и она дико обрадуется и не заметит, что мы брали машину.

– Правильно, – согласился Рон. – Пошли, Гарри, я живу на самом...

Рон вдруг весь позеленел, и глаза его застыли. Остальные трое развернулись.

Через двор, распуская кур, шагала миссис Уизли, и просто поразительно, до чего эта низенькая, пухленькая, добродушная женщина напоминала

саблезубого тигра.

– **Ой**, – сказал Фред.

– М-мамочки, – сказал Джордж.

Миссис Уизли остановилась перед ними, уперев руки в боки, и молча переводила взгляд с одного виноватого лица на другое. На ней был цветастый передник – из кармана торчала волшебная палочка.

– Ну, – сказала миссис Уизли.

– Доброе утро, мам, – сказал Джордж, и только ему одному показалось, что у него это вышло легко и беззаботно.

– Вы вообще представляете, как я волновалась? – произнесла миссис Уизли страшным шепотом.

– Извини, мам, но, понимаешь, нам надо было...

Все трое сыновей были выше матери, но пред ее гневом заметно скукожились.

– **Кровати пустые! Записки нет! Машины нет... могли разбиться... чуть с ума не сошла... вам наплевать? Хотя бы раз обо мне подумали! Вот вернется отец, он вам покажет! Ни Билл, ни Чарли, ни Перси никогда ничего подобного...**

– Его Превосходительство Перси, – бормотнул себе под нос Фред.

– **А ТЕБЕ НЕ МЕШАЛО БЫ ВЗЯТЬ С НЕГО ПРИМЕР!** – завопила миссис Уизли, ткнув пальцем Фреду в грудь. – Вы могли **погибнуть**, вас могли **увидеть**, отец мог потерять из-за вас **работу**...

Казалось, это продолжалось много часов. Миссис Уизли успела охрипнуть. Наконец она повернулась к Гарри, и тот попятился.

– Я так рада, что ты здесь, Гарри, деточка, – сказала она. – Заходи, поешь с дороги.

Она пошла в дом, а Гарри испуганно глянул на Рона и, получив ободряющий кивок, последовал за ней.

Кухня была маленькая и довольно тесная. Посредине – строганый деревянный стол и стулья. Гарри присел на краешек стула и огляделся. Прежде он не бывал в колдовском доме.

На стене напротив висели часы с одной стрелкой и без цифр. Вместо цифр по краю шли надписи: «Время ставить чай», «Время кормить кур», «Опять опоздал». На каминной полке в три ряда толпились книжки с заглавиями типа «Сирочарня на дому», «Волшебная выпечка», «Пир в одну минуту – чудеса!». И либо Гарри обманывал слух, либо по старому радио над раковиной только что объявили, что через пару минут начнется «Ведьмин час», где выступит Прельстина Солоуэй, «певица-чаровница».

Миссис Уизли хлопотала, ловко, хотя и довольно небрежно стряпая завтрак. Всякий раз, бросив на сковородку сосиску, она бросала гневный взгляд на сыновей. То и дело она ворчала: «Не знаю, где была ваша голова» и «Уму непостижимо».

– **Тебя** я не виню, милый, – уверила она Гарри, навалив ему на тарелку восемь или девять сосисок. – Мы с Артуром сами беспокоились. Как раз вчера вечером говорили: если к пятнице ты Рону не ответишь, поедem и заберем тебя. Но, честное слово, – она добавила к сосискам яичницу из трех яиц, – летать на запрещенном виде транспорта через всю страну! Вас кто угодно мог увидеть...

Между делом она постучала волшебной палочкой по тарелкам в раковине, и те сами собой начали мыться, тихонько позвякивая.

– Было **облачно**, мам! – не выдержал Фред.

– Когда я ем, я глух и нем! – яростно огрызнулась миссис Уизли.

– Мам, они его голодом морили! – сказал Джордж.

– Ты тоже молчи! – прикрикнула миссис Уизли, но лицо ее несколько смягчилось, и она принялась нарезать и намазывать маслом хлеб для Гарри.

Тут кое-что отвлекло всеобщее внимание от препирательств – маленькая

рыжеголовая фигурка в длинной ночной рубашке возникла на пороге, тихонько взвизгнула и выбежала вон.

– Джинни, – вполголоса пояснил Рон для Гарри. – Моя сестра. Все лето только о тебе и твердила.

– Ага, ты потом дай ей автограф, – ухмыльнулся Фред, но, поймав взгляд матери, замолчал и уткнулся носом в тарелку.

Больше не было сказано ни слова, пока все четыре тарелки не оказались вылизаны – на редкость быстро.

– **Ужас** до чего я устал. – Фред зевнул, наконец откладывая нож и вилку. – Пойду-ка посплю и...

– Никуда ты не пойдешь, – заявила миссис Уизли. – Сам виноват, что не выспался. Отправляйся в сад, его давно пора разгномить: они опять совершенно отбились от рук...

– Ой, мам...

– И вы двое тоже, – сказала она Рону и Джорджу, пылая глазами. – А ты, мой дорогой, иди поспи, – сказала она Гарри. – Ты же не виноват, что они прилетели за тобой на этой идиотской машине...

Но Гарри, который совершенно не хотел спать, быстро сказал:

– Я помогу Рону. Я еще никогда не разгномливал сад...

– Это очень благородный порыв, детка, но работа ужасно скучная, – сказала миссис Уизли. – Посмотрим, что по этому поводу говорится у Чаруальда...

И она вытащила толстую книгу из стопки над очагом. Джордж застонал:

– Мам, ну что мы, не знаем, как разгномить сад?

Гарри взглянул на обложку. Поперек витыми золотыми буквами шла надпись: «Сверкароль Чаруальд. Бытовые и сельскохозяйственные вредители. Справочник». Там же была большая фотография очень миловидного колдуна со светлыми кудрями и сияющими голубыми

глазами. Как всегда на колдовских фотографиях, фигура двигалась; колдун – очевидно, сам Сверкароль Чаруальд – весело подмигивал всем присутствующим. Миссис Уизли просияла в ответ.

– Он само очарование, – сказала она, – и насчет домашних вредителей дока! Весьма полезная книга...

– Мама в него **втюрилась**, – громким шепотом сообщил Фред.

– Не болтай глупости, Фред, – оборвала сына миссис Уизли, но щеки ее заметно порозовели. – Ну хорошо, если вы считаете, что все знаете лучше Чаруальда, приступайте, но имейте в виду: если я найду хоть одного гнома...

Зевая и ворча, братья поплелись в сад, и Гарри отправился вслед за ними. Сад был большой и, на взгляд Гарри, как раз такой, каким и должен быть настоящий сад. Дурслеям бы не понравилось: сорняков полно и трава нестриженная, – но повсюду вдоль забора росли сучковатые деревья, на клумбах буйствовали какие-то неведомые растения, а посередине зеленел большой пруд с лягушками.

– У муглов тоже есть садовые гномики, – поведал Гарри Рону, когда они шли по лужайке.

– А, я видел. Они думают, это гномы, – ответил Рон и нырнул головой в пионовый куст. – Жирные Санта-Клаусы с удочками...

Что-то шумно завозилось, куст пиона содрогнулся, и Рон выпрямился.

– Вот **это** – гном, – мрачно пробурчал он.

– Ассстань от меня! Ассстань! – визжал гном.

Вне всякого сомнения, гном не имел ничего общего с Санта-Клаусом. Он был маленький, кожистый, с большой, шишковатой, лысой головой – вылитая картошка. Рон держал его на вытянутой руке, а гном отчаянно брыкался мозолистыми ножонками. Рон ухватил гнома за лодыжки и перевернул вниз головой.

– Вот как с ними поступают, – сказал Рон. Он поднял гнома над головой

(«Ассстань!») и принялся раскручивать, как лассо. Увидев потрясенное лицо Гарри, Рон добавил: – Ему совершенно не **больно** – просто надо, чтоб у него как следует закружилась голова, он тогда не найдет дорогу обратно.

И внезапно он выпустил гнома – тот пролетел футов двадцать и шмякнулся где-то за забором, в поле.

– Слабак, – сказал Фред. – Спорим, мой улетит вон за тот столб.

Очень скоро Гарри перестал жалеть гномов. самого первого он хотел аккуратно высадить за забор, но гном, почуяв слабинку, бритвенно-острыми зубками впился ему в палец, и Гарри долго мучился и тряс рукой, пока...

– У-у-ух ты, Гарри, – это ж футов пятьдесят...

Вскоре небо потемнело от летающих гномов.

– Они не слишком сообразительные, – сказал Джордж, схватив целую компанию. – Как прослышат, что тут разгномливают сад, так и лезут наверх поглазеть. Казалось бы, давно пора понять, что лучше не высовываться.

Вскоре гномы потащились по полю прочь неровным строем, понунив плечики.

– Скоро вернутся, – сказал Рон, наблюдая, как гномы исчезают за изгородью на другом краю поля. – Им у нас нравится... Папа с ними цацкается, говорит, забавные...

Тут хлопнула входная дверь.

– Пришел! – крикнул Джордж. – Папа пришел!

Ребята поспешили в дом.

Мистер Уизли тяжело сел на стул в кухне, снял очки и закрыл глаза. Худой, лысеющий человек, но остатки волос ярко-рыжие, как и у всех его детей. Его длинная зеленая мантия запылилась и поистрепалась.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)